

The book cover features a central illustration. On the left, a young man with dark, wavy hair and a somber expression looks forward. On the right, a translucent, purple and blue spectral figure with a pained or screaming face is superimposed over the man's face. The background is a light, sketchy drawing of a city street with buildings. At the top right, a black star is connected to the top edge of the cover by a thin black line.

Чернильные души

у их смерти
твое лицо

Оксана Заугольная

Оксана Олеговна Заугольная

Чернильные души

Серия «Охотники за мирами»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52005666

Чернильные души: Эксмо; Москва; 2025

ISBN 978-5-04-222940-4

Аннотация

Неизвестная болезнь поражает подростков одного приморского города. Чернильное пятно распространяется по телу, пока не покрывает полностью, после чего заражённый... просто исчезает.

Город закрывают на карантин, учёные и военные решают, что делать дальше.

А заражённая Соня узнает, что, пусть выжить и не удавалось никому, можно продлить свою жизнь за счёт чужой. Хотя итог всё равно один... или нет?

Что выбрать – умереть человеком или убить в себе то, что делает тебя им?

1. Герои оказываются в непростой ситуации и перед лицом неминуемой смерти должны сами выбрать – остаться человеком и погибнуть или выжить любой ценой?

2. Никаких избранных и особенных героев, просто попавшие в сложную ситуацию подростки, вынужденные здесь и сейчас решать вопросы, на которые нам даётся вся жизнь.

3. Первая любовь, дружба, предательство, протянутая рука помощи от тех, в кого давно перестал верить.

4. Полная стекла безнадёга и тонкий лучик света, который так нужен каждому, кому кажется, что вокруг беспросветная тьма.

5. В истории присутствуют нотки «лавкрафтовского ужаса» для ценителей жанра.

Содержание

Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

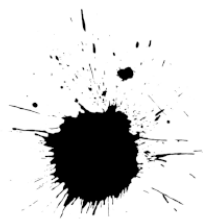
Оксана Заугольная

Чернильные души

© Заугольная О., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Черные
души

Оксана Заугольная

Часть I

Соня

Глава 1

Первое же пятно появилось на лице. Оно распустилось неопрятным цветком от уголка губ на левую щеку.

«Теперь со мной точно никто целоваться не станет», – машинально подумала Соня и запоздало испугалась.

Пятно? У неё? Разве это справедливо? Она всегда возвращалась домой засветло, помогала маме, не прогуливала уроки. Выпускной класс, она строила столько планов, а теперь?

И ладно бы клякса была на спине или на пятке. Когда она бы ещё разрослась настолько, чтобы заметили другие! А теперь все узнают.

Всего лишь одна вечеринка у Линды, на которой даже весело не было!

Соня почувствовала, как слёзы потекли по щекам раньше, чем заметила их в своём отражении. Оно помутнело от застывшей влаги в глазах, искривилось, и можно было подумать, будто и пятно всего лишь привиделось.

Вытерев слёзы, Соня следующие полчаса потратила на попытки оттереть пятно с лица. Колючей мочалкой, мылом,

зубной пастой и даже средством для мытья посуды. Ничего не помогало. Да и не могло помочь.

Только с виду похожие на тёмно-фиолетовые чернила, эти пятна имели совсем другое происхождение, и избавиться от них было не под силу никому. Поговаривали – сама Соня только слышала, но не видела, – что кто-то даже пытался срезать пятно, а то и отрубить ногу или руку, если оно расползлось на конечности. Не помогало. Совсем.

Ну, а даже если бы и помогало, для Сони это был не выход. Уж слишком заметным было заражение.

Почему именно ей так не повезло? Ладно, в конце концов, она могла бы и смириться с самим пятном. Позже. Другие же как-то живут с ними. Но почему именно на лице? Столько людей тщательно скрывает разрастающуюся на теле кляксу, делают вид, что всё хорошо, а ей даже этого не досталось!

Соня вытащила свою косметичку, потом мамину. Обе вытряхнула на столик перед зеркалом и принялась судорожно рыться в гуде тюбиков и баночек. Может, тональный крем хоть ненадолго скроет это уродство? Или пудра...

Теперь она снова ревела. Размазывала по лицу тоналку, нанося её сочными густыми мазками, и бессильно наблюдала, как через них проступает проклятое пятно. Глаза припухли от слёз, но лицо всё равно оставалось симпатичным.

И нос у неё довольно аккуратный, и рот красивый, только сейчас изуродованный фиолетовыми подтёками пятна... Соня отбросила бесполезный тюбик с кремом и разрыдалась

ещё громче. Затопала ногами, даже швырнула пустую косметичку на пол. Может себе позволить – всё равно не жилец.

Никто не знал, откуда и почему появились эти чернильные пятна. Кто-то утверждал, будто это такое проклятие: в разных оккультных газетах и журналах появлялись жуткие статьи, в которых журналисты пытались определить, кто и зачем проклял их город. Правда, даже там то и дело с проклятия сбивались на происки инопланетян, но Соня всё равно не верила ни в одну из этих версий.

Многие считали, что всё дело в плохой экологии. Рядом море, в него что-то обязательно сбрасывали, а потом море возвратило всё сполна. Эта версия Соне казалась куда более вероятной. Так или иначе, проклятие или экология, но заражало это нечто только молодых юношей и девушек.

Какие-то учёные-энтузиасты даже вывели примерную формулу, по которой пик риска заражения приходился на пятнадцать-шестнадцать лет и медленно спадал к девятнадцати-двадцати. Может, и были те, кто заразился позже, да пойдя узнай это. Болезнь у всех протекала по-разному, а показывать пятна, которые можно скрыть одеждой, никто не торопился. Конечно, врачи в один голос утверждали, что чернильная болезнь не заразна. Но верили им немногие. Потому что эти же врачи понятия не имели, как она появляется и что из себя представляет. Ясно было одно – с ней долго не живут. Но чтобы это понять, не нужно быть врачом. Достаточно жить в их городе.

Соня прошла в ванную, тщательно умылась холодной водой, тщетно пытаясь перестать всхлипывать. По уму, стоило давно уехать. Да только задним умом все крепки. Вообще, если подумать, город давно должен был опустеть, с такой-то заразой. Но нет. Все надеялись проскочить.

Взрослым людям эта болезнь не угрожала, и срываться с места, если у них не было детей или они были ещё совсем маленькие... никому не хотелось. Продать жильё в городе было немыслимо сложно – информация о смертельно опасных чернильных пятнах быстро просочилась в прессу, и в город к ним приезжали разве что туристы – поглазеть издали на больных да на холодное серое море.

А бросать дом и работу из-за призрачной опасности оказаться среди тех, кто заразился... это как бросить курить из-за того, что на пачку сигарет наклеили картинку с раком лёгких.

Соня невесело рассмеялась.

Теперь она может начать курить. И пить. Да что угодно делать! Умереть от рака она уже не успеет – фиолетовый чернильный цветок сожрёт её раньше.

Она смеялась, пока не начала икать. И только когда снова окунула лицо в холодную воду, собранную в ладони, смогла успокоиться. Вовремя.

В двери заскрежетал ключ.

Соня до боли сжала челюсти и снова уставилась в зеркало. Мелькнула мысль закрыть дверь в ванную и хоть немного

оттянуть встречу с матерью. Но девушка отмахнулась от этого сиюминутного проявления слабости. Хватит того, что она и так расклеилась, прятаться она не станет.

Мать шуршала в коридоре, снимая куртку и ставя туфли в угол. Соня ждала. Челюсти уже ныли, но ей казалось, что стоит их расслабить, как она снова расплачется.

– Соня, ты дома? – Мягкий голос матери заставил её крепче сжать зубы и кулаки. Прижать к рубашке сильно, до боли. Только не реветь! – Пообедала?..

Мама замолчала. Она наконец подошла к ванной, а Соня как раз посмотрела в зеркало и встретилась с ней взглядом. Правда, ненадолго: взгляд матери немедленно прикипел к пятну. Соне то ли казалось, то ли пятно и впрямь стало больше за последние пару часов.

– Соня... – Голос матери дрогнул, она вся словно съёжилась и посерела. Даже выглядеть стала старше. – Как же так, Соня?

Соня молчала. Почему-то думала, что мама будет ругаться. Припомнит ей эту дурацкую вечеринку, закричит, что она говорила, может, заплачет.

Но мама просто повторила:

– Как же так, Соня? – И наконец заплакала.

Она почти осела на пол рядом с дверью, и Соня по-настоящему испугалась. Её собственная смерть лишь маячила на горизонте, сколько там до неё, неделя, месяц? Может, полгода? А матери было плохо прямо сейчас.

Пальцы промахивались, когда Соня пыталась набрать номер скорой помощи. Почему-то в голове крепко засел 9-1-1, который, кажется, был в Америке, но не работал в их городе. Ноль-три на её телефоне тоже не набирался, она всё думала, что умрёт прямо тут, пока наконец не дозвонилась, сидя рядом с матерью на полу.

Когда в дверь постучали, она сорвалась в места, уже не понимая, как можно было рыдать из-за какого-то пятна. Были вещи и пострашнее.

За дверью оказались двое. Парень помоложе дёрнулся при одном взгляде на лицо Сони.

– Это не лечится, ты не знаешь, что ли? – Его голос под конец стал выше, отчего парень смутился и отступил на шаг.

– Дебил, – веско произнёс в его сторону второй и обратился к Соне. – Мать, отец, оба?

– Мама. – Соня всхлипнула и разрыдалась. Сейчас, когда рядом оказался пусть чужой, но надёжный взрослый, она больше не могла и не хотела оставаться сильной.

– Разберёмся сейчас, – спокойно произнёс врач, быстро проходя в квартиру и безошибочно поворачивая в сторону ванной комнаты, где по-прежнему находилась осевшая кулём мать. – Игнат, девчужке пока успокоительного накапай!

Он выверенными движениями проверил пульс и зачем-то заглянул под веки Сониной матери, потом достал шприц, какие-то бутылки, тонометр... Соня из-за его спины не видела, что он делает, и бесилась от того, что он будто мед-

лит. Маму нужно было в больницу, и скорее. У неё инфаркт или инсульт. Или и то и другое!

Мама зашевелилась и села ровнее. Соня снова сжала кулаки, но на этот раз не от злости, а загадывая, чтобы с матерью всё было хорошо.

– Так, смотри, Игнат, и запоминай. – Врач поднялся на ноги. – Когда поступает звонок от чернильного подростка, сразу нужно проверять родителей и других родственников. Даже если кажется, будто лишь обморок, необходимо свозить в больницу и проверить дополнительно. Ближайшие несколько недель у человека будут непростые. А вы, девушка, не плачьте так. С мамой вашей хорошо всё. Просто обморок. Мы ещё проверим, но я почти уверен, что уже сегодня она будет ночевать дома.

Мама даже не плакала, а тонко поскуливала, но её лицо порозовело, и Соня кивнула. Пусть проверят, да. Ей самой плакать больше не хотелось.

Соня включила ноутбук и до самого возвращения матери бездумно листала социальные сети, просматривая страницы друзей, врагов и загоняя в поисковик все варианты запросов про чернильную болезнь.

Ничего нового она не нашла. Про болезнь писали много и с удовольствием, да только здоровые люди. Сами пятнистые делиться своими впечатлениями и ощущениями не спешили. Конечно, некоторые из них попадали в больницы, у них брали кровь, соскобы кожи... Соня морщилась, пока

читала всё это. Противно и бесполезно – никаких изменений, кроме фиолетового пигмента, замечено не было. А люди умирали.

Точнее, исчезали. Просто в один совсем не прекрасный момент они начинали словно истончаться, пока совсем не пропадали. Хоронили обычно одежду, которая оставалась на месте их исчезновения, и это казалось особенно жутким.

Да, и не спросить никого. Пятнистые не торопились делиться своими знаниями с чужими.

Палец Сони замер на мышке. Какая же она дура! Она теперь одна из них.

На этот раз, зная, что ей нужно, Соня нашла несколько закрытых сообществ – пожалуй, даже слишком много для их не такого уж огромного города.

Она без раздумий отмела сообщество с аватаркой из мультфильма про далматинцев «Пятнашки», в котором состояло всего шесть человек. «Да и то не все из них сейчас живы», – цинично подумала она.

Пара групп «Пятнистые» и «Камуфляж» тоже остались висеть открытыми. А вот группа «Кальмары» привлекла куда сильнее.

Конечно, Соня в глубине души считала, что название не соответствует действительности, ведь чернила кальмаров – черные, тогда как её пятно было густо-фиолетовым. Но аватарка сообщества до того привлекательно смотрелась со всеми этими щупальцами, что Соня, чуть помедлив, на-

жала кнопку, отправляя запрос на добавление в сообщество.

Она не успела даже испугаться своей решимости или передумать, как в личных сообщениях тонко тренькнуло новое письмо.

«Привет, детка!»

По нику под аватаркой Соня определила, что отвечает ей модератор кальмаров. Её покорило такое обращение, но она продолжила читать дальше.

«Пришли фотку пятна. Не обессудь, у нас фейс-контроль. А если пятно не на фейсе, всё равно присылай!» – И горстка смайлов.

Соня закрыла сообщение, чувствуя, как ей становится жарко от злости и обиды. Даже знакомым она не позволяла так с тобой разговаривать, а тут какой-то... кальмар!

Снова тренькнуло.

«А если пятно на заднице или ещё в каком местечке и ты стесняешься, то не тушуйся. Пятна быстро расползаются у одиночек. Скинешь фотку, когда до коленок дойдёт».

Он решил, что Соня стесняется! Вот уж чего она не собиралась никому спускать, так это подобного мнения о себе. Она не стесняшка и не трусиха!

В голове пронеслась мысль, что именно так она попала на дурацкую вечеринку Линды, но Соня от неё отмахнулась. Достала телефон и сделала селфи, увеличивая резкость на пятне, идущем от края губы.

Странно, она обычно не нравилась себе на фотографиях,

а в этот раз получилась чудесно, как назло. Глаза уже не были красными от слез, но словно стали больше, а злая усмешка ей шла. Ну надо же.

Не давая себе отвлечься самолюбованием, Соня быстро скинула фото в личку кальмару. В этот раз ответа пришлось ждать дольше. Минуты две или три всего, но изнервничавшейся Соне казалось, что куда дольше.

«Угораздило тебя на лице получить. – Смайликов в новом сообщении не было, отчего тон, казалось, изменился. – Сочувствую. Сообщество открыто, заходи. Если что, обращайся ко мне. Я Влад Суббота. Может, слыхала».

Соня ойкнула и коснулась ладонями щёк. Кто в их школе не знал Влада Субботу!

«Спасибо», – коротко ответила она и захлопнула ноутбук. Потом посмотрит. Время пусть немного, но есть.

Глава 2

Если бы Соня не догадалась найти в интернете товарищей по несчастью, она вряд ли пошла бы следующим утром в школу.

Как и обещал врач, имя которого она так и не узнала, мама вернулась уже вечером. И прямо с порога начала причитывать и плакать. А потом и вовсе вытащила альбом с детскими фотографиями и позвала Соню их смотреть. И, конечно, снова ревела. И Соня тоже, с ней за компанию. Потому что, может, кто и может спокойно смотреть, как мама из-за тебя слёзы льёт, то только не она.

Но хуже всего было дальше.

– У нас ни одной свежей фотографии твоей нет! – вдруг спохватилась мама. – Крупной.

Вот не стоило ничего отвечать, Соня как чувствовала. Нет бы пойти на кухню, чайник поставить, бутербродов нарезать. А она телефон вытащила и показала новенькое селфи.

– Вот, есть! – радостно так ещё ответила. Дура.

– Не подойдёт, тут уже это... пятно, – еле выдавила из себя мама и снова расплакалась. Так себя накрутила, что чуть снова не пришлось скорую вызывать.

А Соня уже и не радовалась, что мама в больнице не задержалась. Сейчас, когда первый ужас прошёл, казалось, что

так было бы лучше. Хоть не приходилось бы думать, что мама фотографию на памятник подбирает.

– Я у Васильича на паспорт фотографировалась, – нехотя произнесла Соня, всё ещё надеясь, что ошиблась. – Он обещал, что негативы десять лет хранит, а прошло всего года четыре только.

– Точно! – Мама так искренне обрадовалась, прежде чем снова расплакаться, что Соне стало противно. Появилась горечь во рту, словно утром после того, как она возле школы на спор выпила две бутылки пива. Пить в обед, да ещё и на заднем дворе школы, было глупо до невозможности, но что делать в городе, где небезопасно появляться на улице после наступления сумерек? Только творить глупости при свете дня. Один раз она оступилась – и тотчас попалась. Разве так должно быть? Это просто нечестно.

Зато она познакомилась с Субботой, что тоже немало.

Влад Суббота стал известной личностью до того, как заразился чернильной болезнью, а уж после – он стал просто легендой.

Во-первых, он уже почти год не исчезал с момента, как о его пятнах стало известно. Невероятный срок! А во-вторых, всё это время он торчал в школе, время от времени появляясь на занятиях, хотя пятна появились у него в одиннадцатом классе. И это только те, о которых известно! Ходили сплетни, что он мог оказаться одним из первых заражённых.

Его не гнали – кто станет связываться с умирающим? А Суббота возомнил себя королём мира или как минимум этой школы. Почти все пятнистые, да и многие здоровые старшеклассники, кучковались рядом с Владом все перемены, а иногда и прогуливали уроки, если королю вдруг приходило в голову покинуть школьную территорию.

Так что на учёбу она шла с высоко поднятой головой и старалась не замечать испуганных взглядов встречающихся знакомых и незнакомых прохожих.

В школе лучше не стало. Никто ничего не спрашивал – не принято было, но смотрели так... словно хотели коснуться её лица. Неприятное ощущение.

К счастью, Суббота с другими пятнистыми уже был в школе. Они сидели на длинном подоконнике в коридоре второго этажа, как раз там, где проходили уроки у Сони.

Соня пошла прямо к ним, с трудом избавившись от навязчивой мысли сделать вид, что идёт в класс, и свернуть, только если её позовут. Нет уж, это больше не её выбор. Хватит бояться, что о тебе подумают другие. Отбоялась своё.

Её страхи и впрямь были беспочвенными. Ещё издали Суббота заметил её приближение и приветливо помахал рукой.

– А вот и наша новенькая, – поприветствовал он её и обратился к сидящим вокруг него пятнистым: – Прошу любить и не обижать, Соня теперь наша.

До чего приятно было такое услышать от самого Субботы!

Соня даже чуть было не забыла про то, что скоро умрёт. Да и скоро ли? Её пятно даже не на всю щеку, а вот у того же Субботы давным-давно глубокого фиолетового цвета и руки, и шея, даже почти всё лицо! Только вокруг глаз, словно диковинная бабочка, ещё виднелась чистая кожа, да мочка уха вызывающе розовела на общем тёмном фоне.

Самое интересное, что подобный окрас вовсе не портил Субботу, как не портил и некоторых других ребят в его окружении. И почему Соня считала пятна уродливыми и всегда избегала общения с пятнистыми? Она и сама толком не могла этого объяснить.

Вот и сейчас она быстро кивнула каждому представившемуся, смутно понимая, что не запомнит их даже за несколько дней, а взгляд задержался на одном, Эдике.

В отличие от Субботы, Эдик выглядел совершенно здоровым, но при внимательном рассмотрении можно было заметить, что краешек пятна, словно несколько брызг чернил, выглядывает из-под длинного рукава. В этой компании вообще предпочитали носить закрытую одежду, словно можно было утаить то, что уже выплёскивалось за её пределы.

– Ну что, идём в наше кафе? – бодро поинтересовался Суббота, и вся группа спешно поднялась, будто только её и ждали, чтобы покинуть школу. Хотя, может, так оно и есть? Вот этого же Эдика она никогда раньше не видела, да и не похож он был на школьника.

Соня ещё колебалась, когда в класс мимо неё прошла

Линда с парочкой подпевал. Они шептались и так на неё смотрели! С брезгливой жалостью, что ли.

Так что Соня решила, что из-за одного пропуска от неё не убудет. Всё равно она вряд ли доживёт до выпускных экзаменов, к чему зря тратить время? Жизнь коротка, и у чернильных – в самом буквальном смысле.

Нарочито, чтобы видела противная Линда, задержавшаяся у дверей прежде чем войти в класс, Соня уцепилась за подставленный локоть оказавшегося так кстати рядом Эдика и пошла к раздевалке.

Внутри её трясло, но она лишь надеялась, что это не заметно. Хотя бы всем остальным, кроме несчастного Эдика. Тот уже дважды косился на неё, бессильно повисшую на его руке, но хотя бы держал язык за зубами.

Раньше ей всегда было интересно, почему и на какие шиши пятнистые вечно торчат в кафе и покупают модные шмотки. Что же, теперь она знала. Утром мама вручила ей деньги: не слишком большую сумму, но превышающую обычные карманные деньги Сони за месяц. И, похоже, мать собиралась и дальше поступать именно так, скрашивая последние месяцы или недели жизни дочери. Соня никогда не понимала фразы «после нас хоть потоп», но ей это и не требовалось. Теперь она знала, что родители всех пятнистых так или иначе переиначивали это в «после них хоть потоп» и отдаривались деньгами, не в силах дать большего. Надежды у чернильных не было, любовь и ласку подростки полу-

чать не жаждали и будучи здоровыми. Оставались деньги.

Так что в кафе она сама заказала себе кофе со сливками и пирожное, оторвавшись наконец от Эдика. За столиком – до чего же неудобные крошечные столики, даже два подноса не поставить, нужно обязательно переставлять блюдце и чашку на стол и убирать поднос! – её ждал Суббота. Остальные расположились за соседними, пододвинув эти хрупкие конструкции так близко, что Соне казалось, что в шею ей кто-то дышит.

– Итак, теперь ты одна из нас.

Влад терпеливо дождался, когда Соня попробует пирожное, прежде чем начать говорить. И это сработало. Она немедленно забыла о своих беспокойствах по поводу усов от взбитых сливок или крошек пирожного на свитере. Да и кто бы там ни сопел ей в ухо, это уже было неважно. И пусть от этого тёплого дыхания у Сони дыбом вставали волоски на шее, ей казалось, причина кроется в том, что ей сейчас скажет Суббота.

– Да, – пискнула она и закашлялась, когда миндальная крошка попала не в то горло. Она покраснела не столько от кашля, сколько от смущения. Вот надо же именно сейчас было выбрать такое хрупкое пирожное. Захотела повыпендриваться! И, словно этого было мало, она дёрнулась, коленка стукнула по столешнице, и чашка дрогнула, едва не опрокинувшись. И только фиолетовые пальцы Влада удержали её на месте. – П-прости. Я нервничаю.

Сказала и сама испугалась. Сейчас отправят её к «Пятнашкам», чтобы не портила имидж серьёзной компании. Или засмеют.

– Это нормально, – без улыбки успокоил её Суббота. – Почти все сначала в нашей компании нервничали. Не переживай. Выдохни, попей кофе. Скажешь, когда будешь готова к разговору.

«Будешь готова к разговору»? Интересно, он издевался или всерьёз считал, что она сможет спокойно пить кофе, пока банда кальмаров терпеливо ждёт её? И какой ещё разговор? Почему-то Соня была уверена, что её просто примут в компанию и она будет иногда тусоваться с кальмарами, пока... ну... не придёт её время.

– Я... кх-кх... – Она снова закашлялась, да что ты будешь делать. Ладно хоть ухватила руками за шаткий столик, и он не качнулся. – Я уже готова. Говори.

– Хорошо. – Суббота не стал переспрашивать и уточнять, уверена ли она. И это напугало Соню до чёртиков. Если он отложил витиеватые расшаркивания, которыми всегда славился, значит ли это, что их диалог действительно важен? Дыхание за спиной стало легче, словно все затаились и ждали. – Как я уже сказал, теперь ты с нами. У нас совсем немного правил, но их ни в коем случае нельзя нарушать.

Соня отпила кофе, упираясь локтями в столешницу, – так руки не дрожали, а без кофе ей удалось бы разве проскрипеть что-то в ответ, так пересохло горло.

– И какие же? – проямлила она, гипнотизируя поникшую шапку сливок.

– Никому никогда не рассказывать о том, что услышишь и увидишь с нами, – ответил Суббота и улыбнулся одними губами. Его серые глаза смотрели настороженно и почему-то зло. – А ты что подумала?

– Это типа как в бойцовском клубе? – неуверенно улыбнулась в ответ Соня и потёрла щеку, словно чернильное пятно на ней ощущалось. – А я думала, ритуальное убийство, чтобы связать кровью.

Когда Соня волновалась, она вслух несла всю чушь, что приходила ей в голову. Просто чтобы немного сбросить напряжение. Ну и сгрудившиеся вокруг кальмары не успокаивали, что и говорить.

– Вот это ты крутая! – присвистнул у самого уха кто-то, похоже, Эдик. – А я не додумался, пока меня на пустырь не привели.

Соня уставилась прямо в расширившиеся от удивления глаза Субботы. Впрочем, тот быстро пришёл в себя и снова прищурился.

– А она и не догадалась, Эд. Просто попала пальцем в небо, да, дорогая? – ласково прошептал он, наклонившись через хрупкий столик почти к самому лицу Сони. Столешница опасно накренилась, и ложечка жалобно тренькнула на блюде.

– Я просто пошутила, – слабым голосом произнесла Соня,

из последних усилий оставаясь на месте и не отшатываясь от Влада. Так близко его красивое, пусть и фиолетовое лицо пугало. Удерживал её лишь факт, что, отодвинувшись, она могла протоптаться по ногам Эдика и тех, кто сидел с ним рядом. – Это обязательно?

Влад словно очнулся. Он моргнул и снова сел ровно.

– К сожалению, да, – скучающим голосом произнёс он. – Если хочешь ещё немного пожить, конечно.

Соня хотела. Черт возьми, она никогда не думала, что настолько хочет жить!

Глава 3

Они как-то слишком быстро собрались и вышли из кафе. Соня даже не успела сообразить, как так получилось, что она уже идёт с кальмарами, да не позади всех плетётся и не рядом с Субботой, а снова притиснутая к Эдику в толпе пятнистых. А тот жарко шепчет ей на ухо всякие успокаивающие глупости.

– Тараканов тоже можно давить, – бормотал он, пытаясь убедить то ли её, то ли себя. И если Соня готова была верить в тараканов и червяков, лишь бы не думать о том, куда и зачем они идут, то сам Эд категорически не верил в то, что говорил. – Или котят... Хотя котят жалко, я бы не смог.

Соня молчала, поэтому Эдик продолжал, сильнее стискивая её локоть:

– На самом деле можно не участвовать. Только смотреть. Этого недостаточно, но насыщает. Всё больше, чем смерть тараканов.

Соня шла как во сне, пытаясь сообразить, шутит он или нет. Не может ведь быть так, чтобы все пятнистые убивали, правда? Столько жертв заметили бы, да и сейчас банда кальмаров ничуть не скрывалась. Любой может сложить дважды два и вычислить убийц. Опять же, если можно полностью избавиться от болезни, то неужели учёные или журналисты до сих пор не пронюхали об этом?

Эд скорчил недовольную гримасу, когда она спросила об этом.

– Если бы всё было так просто, – со вздохом ответил он, и Соня чуть было не остановилась. Просто? Это он про убийство человека? – Полностью вылечиться нельзя. Помнишь, пару лет назад был в городе Вилькинский маньяк?

Соня кивнула. Она помнила. Тогда тоже запрещали выходить на улицу вечером, а ещё очень не советовали выбирать короткую дорогу через Вилькинский парк, где находили большинство тел. Искали его долго, ведь не было никаких зацепок – маньяк не выбирал конкретный тип людей, одинаково легко убивал стариков и детей, мужчин и женщин. И никогда ничего с места преступления не пропадало. Подчёрк убийств тоже был разным, так что подозревали даже езжую банду.

Чем всё закончилось, Соня не интересовалась. Просто однажды ей перестали запрещать ходить через парк, да и вечерами стало можно гулять, пока в школе не появилось слишком много пятнистых и кто-то не объявил, будто все пострадавшие перед этим были на улице в тёмное время суток. Как будто это так легко отследить! Но людям нравилось думать, что при свете дня и в доме им ничего не грозит. Очень удобно!

– Так вот, – прервал её размышления Эдик. – Это был один из первых наших. Он вёл дневник, ты его потом увидишь. Вот он как раз и обнаружил, что убийство немного

осветляет кожу. Он хотел так полностью вылечиться, но ни количество, ни качество убийств не повлияло. Как будто организм не принимает больше определённого количества отбеливателя, понимаешь?

– Да, – одними губами произнесла Соня, чувствуя, что ей холодно. Зубы начали стучать, пришлось сжать челюсти, чтобы этого не услышали. Странно, на улице было довольно тепло, да и этот прилипчивый Эдик прижимался совсем не по-дружески, а её всё равно морозило.

Соня изо всех сил гнала прочь мысли о том, как Вилькинский маньяк проводил свои опыты по количественным и качественным убийствам, но память услужливо подбрасывала рассказы очевидцев, и тошнота горькой волной всё сильнее подкатывала к горлу. Она с силой стиснула кулаки, длинными ногтями больно вонзаясь в мякоть ладони, и эта короткая боль ненадолго отрезвила её.

– Зато он определил, что чем разумнее существо, тем дольше и лучше его смерть помогает продержаться. – Эдик то ли не замечал её состояния, то ли не желал замечать. – В одиночку немногие способны убить, я вот не могу. Я трус.

Он так спокойно это сказал, что Соня догадалась – раньше его это долго мучило и он просто заставил себя принять таким, какой есть. Наверное, ему было проще считать себя трусом, чем убийцей, но Соня не обманывалась этим. Всё-таки он был с Субботой, а не с теми же «Пятнашками», а значит, вряд ли был совершенно чист.

– И как определяется эта разумность? – наконец спросила Соня, просто чтобы не молчать. Кто знает, может, это лишь затянувшаяся проверка.

– Я рад, что не ошибся в тебе. – Суббота неожиданно оказался не впереди, а рядом, и предложил ей свой локоть с противоположной от Эдика стороны. Соня без раздумий уцепилась за него. Пусть Влад пугал её куда больше, в то же самое время он был понятнее. Честнее, что ли. – Как видишь, у нас девчонок немного. Большинство сразу сбегает с криками. А ты вон ещё и вопросы задаёшь.

– Ну да, – промямлила Соня, не в силах признаться, что она просто-напросто слишком боится, чтобы взять и убежать. Для этого тоже нужна смелость.

Наверное, она как Эдик – труслива настолько, что может зайти слишком далеко. Неприятная мысль.

– Эд не совсем прав, когда говорит о разумности жертвы, – мягко произнёс Влад, волоча её вперёд, тогда как Эдик отстал, затерявшись в группе идущих. – Ни Вилькинский пионер, ни другие не смогли точно определить, что становится мерой ценности. Может, и разумность, а может, важность конкретно этой жизни для других. Я предполагаю – только предполагаю, заметь! – что жизнь любимого котёнка милой доброй девочки оценится едва ли не выше, чем жизнь какого-то вонючего бомжа, у которого нет семьи. Но, в отличие от пионера, у меня нет ни усидчивости, ни аналитических способностей, чтобы проводить такие опыты.

– Пионера? – повторила Соня, искоса поглядывая на спутника. Он её пугал. Красивое, пусть и темно-фиолетовое лицо Влада исказилось в какой-то гримасе, серые глаза алчно блестели. Ей вовсе не хотелось знать, о чём он думает.

– В том смысле, что он был первопроходец, – отмахнулся Влад. Он будто ненадолго стал спокойнее и человечнее. – Однако, судя по твоему выражению лица, ты уже решила, что мы совсем звери. Это не так. В отличие от Вилькинского, мы практически никогда не убиваем детей.

– Дай угадаю. – Мысленно Соня продолжала убеждать себя, что весь этот абсурдный разговор происходит не с ней. Она просто пересмотрела странных сериалов и ужастиков, а теперь ей снится мешанина из них. Такое ведь бывает, верно? – Дело не в доброте, да? Дети гораздо беззащитнее взрослых. Это было бы на руку.

– Ну да, хотя дети детям рознь, – недовольно скривился Влад. – Но с ними не угадаешь. То отбелит всех по максимуму, как со взрослыми не выходит, то...

Он словно размышлял, говорить или нет, и наконец решился. Они все как раз вышли из города на набережную, и компания разбрелась, рассаживаясь на свободные скамейки. Впрочем, немногочисленные горожане, гулявшие в это время, тут же поспешили перебраться подальше от пятнистых. Словно те были заразными. Раньше и сама Соня поступила бы так, а сейчас ей было противно.

– В общем, я только заполучил пятно, – произнёс Влад,

глядя в свинцовую, мутную от надвигающегося шторма воду, – когда наши убили одного... школьника. И всех так приложило – моё пятно было всего-то сантиметров пять, а стало с ладонь! Выросло, а не уменьшилось!

Влад в чём-то врал, Соня это чувствовала. Но скорее прикинул по поводу мелочей, вроде изначального размера пятна, чем по существу.

Она тоже посмотрела на волнующееся море и по сильнее запахла куртку. На набережной было прохладно, и Соню зазнобило. Хотелось убраться с открытого пространства.

– Наверное, всё дело в том, что эти существа потенциально значат для кого-то конкретного или мира в целом, – рассеянно произнесла она. Глаза у неё слезились, но теперь это можно было свалить на пронизывающий ветер, а не свою восприимчивость. – А с детьми это лотерея. Поди узнай, кто из него вырастет, второй Моцарт или второй Гитлер.

Когда молчание показалось ей уж слишком долгим, она скосила взгляд на Влада. Тот стоял прямо с открытым ртом, словно собрался говорить и забыл что. Надо же, она и не думала, что так в реальной жизни бывает.

– Ты гений, – прошептал наконец он. – Как ты это делаешь, а? Мы ломали головы столько времени, а ты как пришла – сразу сообразила!

Слышать это было приятно. Соне порой отвечивали комплименты за её внешность или характер – правда, не особо заслуженно, а вот её ум обычно оставался забытым. Но она

справедливости ради всё-таки уточнила:

– Взгляд просто не замыленный. Это на поверхности лежало, а вы сразу копали вглубь. К тому же правильно сказать «предположила», а не «сообразила». Всё может быть совсем не так. Да и убийства... может, дело в эмоциях, а не в самом убийстве.

Влад прищурился.

– Поверь, это давно проверили, – сухо произнёс он. Словно не радовался только что, как ребёнок. – Ты напрасно думаешь, что мы получаем от этого удовольствие.

Если бы Соня смотрела на него, она заметила бы, как он отвёл взгляд. Но и без того она понимала, что он снова кривит душой.

Она внимательнее вгляделась в мутную воду. Странно, ей показалось, будто она стала какой-то другой. В холодном море с каменистым неровным дном и так купались только ребяташки да пьяницы, но вряд ли оно кого-то пугало. Не нравится – просто не лезь в воду, и всё. Но Соне море не просто не нравилось – она ощущала тревогу, когда смотрела на его волны. Словно мало ей других проблем.

Влад, похоже, даже не заметил, что мысленно она не здесь.

– Однажды нам повезло, и убили надежду современного искусства, нового Моцарта практически. Так в газетах писали, – произнёс он и шумно облизал губы, с заметным восторгом вспоминая ту историю. Соня с трудом удержалась от безгливой гримасы, до того гадко выглядел Влад в этот

момент.

Память услужливо подкинула чёрно-белое фото мальчишки лет семнадцати-восемнадцати: тонкая шея, светлые зачёсанные волосы, открытый взгляд. Её версия, что в городе редко убивали, не выдержала никакой критики. Похоже, это она пропускала мимо ушей все подобные новости. Как любой житель прибрежного города перестаёт слушать шум моря. Если уж на то пошло, даже её мама не стремилась обсуждать преступления больше пары часов. Никто из знакомых не пострадал – так о чём и говорить?

– У всех, кто там был, даже у присосок, очистился хороший кусок кожи, – мечтательно продолжал Влад. – Эх...

– Присосок? – Соня всё ещё смотрела на воду, и от этого ей почудилось, словно на глубине мелькнула тень щупальца. Глупости, конечно. У них тут не водились осьминоги или кальмары. Кроме вот этих. Сухопутных.

– Присоски – кто сам не убивает, но находится рядом, – пояснил Влад, пристально глядя в глаза Соне, отчего ей хотелось постоянно отвести взгляд. – Их не гоняют – получают они немного, но кому-то и этих крох хватает. Если слабачка, можешь сейчас готовиться умирать или тщетно давить тараканов. Если нет – добро пожаловать.

Соня довольно долго молчала, как ей казалось, непозволительно долго.

– Я, пожалуй, останусь.

Влад лишь кивнул и с довольной улыбкой развалился

на скамейке, которую они заняли.

– Пойми меня правильно, – продолжала Соня. – Я, может, и слабачка. Но я ведь смогу уйти позже, верно?

Теперь молчал Влад.

– Да, сможешь. – Он поднялся со скамейки и развёл руками, разминая затёкшие мышцы. – Только помни, что при любом раскладе ты не имеешь права кому-то рассказывать о происходящем здесь. Это важно, ведь иначе нам всем будет... неприятно.

Соня продолжала смотреть на него, и Влад пояснил:

– Убийство заражённых ничего не даёт. Пятна не становятся меньше. Поэтому никому не нравится возиться с предателями. Это как работа, за которую тебе не платят. Смекаешь?

Соня тоже поднялась.

– Смекаю, – сухо ответила она и демонстративно посмотрела на часы. – Я ещё успею к третьему уроку. Не люблю прогуливать математику.

– Эд тебя проводит. – Влад не двинулся с места, и на его лице было не разобрать, разочарован он или ему всё равно. – Увидимся завтра.

Соне бы гордо промолчать или отказаться от провожатого, но вся её отвага закончилась раньше. Поэтому она кивнула и добавила:

– Увидимся.

Глава 4

– Влад на самом деле очень хороший. Ему непросто, но он старается. – Эдик просто не замолкал ни на секунду, и Соня уже много раз пожалела, что пошла с ним. – Он ещё и пытается жить как прежде, в школу ходит. Может, даже поступать ещё в вуз будет. Ты ведь догадываешься, что большинство сразу забивают на обычную жизнь и ведут себя так, словно надеются в угаре веселья исчезнуть незаметно для самих себя.

Эдик поправил упавшие на лоб волосы и покачал головой. Его рукав задрался, показывая фиолетовую кожу запястья. Соня искоса посмотрела на его узкое лицо, обрамлённое светлыми кудрями совсем как у девчонки, и вздохнула. До чего красивый и до чего занудный, что ты будешь делать!

– Знаешь, я передумала, – вдруг произнесла она, прерывая очередную тираду. – Я не хочу в школу сегодня, пойду домой.

– Тогда я провожу тебя до дома, – ничуть не расстроился Эдик. – Я рад, что мы познакомились, Соня. То есть мне, конечно, жаль, что у тебя пятно, но ты мне сразу понравилась, веришь?

Соня кивнула. Она не верила ни единому слову Эдика, но пока никак не могла понять, зачем она ему нужна. Не для того она провела у зеркала столько часов ещё до появления

пятна, чтобы верить всей той лапше, что уверенно навешивал ей на уши пятнистый. На самом деле она была довольна и лицом, и фигурой, да и густыми волосами редкого медового оттенка, лишь на пару сантиметров длиннее, чем у этого Эдика, она гордилась, но ей уже было не пятнадцать, чтобы полагать, будто она та красавица, к ногам которой падают парни.

Если уж на то пошло, у неё и отношений-то не было. Поэтому она и пошла на эту дурацкую вечеринку Линды. Надеялась познакомиться с каким-нибудь парнем и влюбиться. А то все подружки уже встречались с кем-то, и не по разу, а она до сих пор могла похвастаться только безответной любовью к вожатому в лагере четыре года назад, да ещё во втором классе одноклассник Радик Вакин несколько дней подряд провожал её до дома и нёс портфель. Ха-ха, большая первая любовь. Или она её придумала за те три или четыре раза, что мальчик ходил с ней и всё просил списывать математику.

Так что нет, она не верила Эдику. Только радовалась, что не успела ни в кого влюбиться до появления пятен. Ей и так хватало беспокойств за мать, думать ещё о том, как ей не суждено прожить достаточно долго, чтобы они с возлюбленным надоели друг другу, не хотелось.

Если Суббота не врал, ей осталось совсем немного. Со всем недавно ей казалось, что она всё сделает ради продления существования. Но эмоции немного стихли, и оказалось,

что не всё. Вряд ли она решится убить человека даже ради спасения своей собственной жизни. К тому же её смерть не должна была стать мучительной. Она просто истончится и исчезнет. Вот и всё.

Эдик продолжал болтать как заведённый, но Соня уже не слушала его, позволяя ему просто держать её за руку.

– Мы пришли. – Только один раз Соня прервала этот словесный поток – когда они остановились у её подъезда. – Спасибо. Увидимся завтра.

– Ты даже не пригласишь? – изумился Эдик. Лицо у него при этом было такое удивлённое, что Соня прыснула от смеха. Напряжение выплеснулось вместе с ним, и она хохотала, не в силах остановиться. Даже несмотря на вытянувшееся от обиды лицо Эдика, она всё ещё продолжала смеяться.

– Прости, – сквозь смех пробормотала она, обнаружив, что вконец оскорблённый парень собирается так и уйти. – У меня мама дома.

Ну не говорить же ему, что его фраза снова напомнила ей целую кучу глупых фильмов, которые она смотрела на каникулах? Разве так действительно говорят в реальности? Даже жаль, что ей не суждено узнать это наверняка. Настроение предсказуемо испортилось.

– Прости, – ещё раз повторила она. – Увидимся завтра.

Эдик кивнул и, неловко мазнув губами по её скуле – она вовремя отвернулась, не дав поцеловать себя в губы, – побрёл по улице. А Соня открыла тяжёлую дверь в подъезд

и поднялась на третий этаж, к себе.

К её большому удивлению, она не соврала Эдику – мама и впрямь была дома. То ли не пошла на работу из-за плохого самочувствия, то ли из-за неё. Даже в коридоре вкусно пахло любимым пирогом Сони и булочками. Мама редко пекла их, отговариваясь нехваткой времени. Во рту стало солено и противно, несмотря на изумительные ароматы.

– Привет, мама, я дома, – крикнула она, готовясь к порции нравоучений за прогул. Тишина.

Сняв обувь и повесив куртку, Соня прошлёпала босиком на кухню и убедилась, что мама дома. Просто тихо плачет, склонившись над готовым пирогом с ягодами. И где она их взяла в это время года? Всегда ведь говорила, что покупать ягоды в несезон очень дорого и бессмысленно.

– Привет. – Мама шумно шмыгнула носом и отвернулась, словно застеснявшись слёз. – Доченька, я думала, ты сегодня останешься дома и в школу не пойдёшь. Посидим вдвоём...

– Я и не пошла, – соврала Соня, обнимая маму и утыкаясь подбородком ей в плечо. Спинка стула, на котором мама сидела, больно упиралась Соне в живот, но она терпела. Её мама выглядела такой несчастной и сломленной, словно это ей предстояло умереть молодой. – Просто вышла проветриться, дошла до набережной и вернулась.

– А я твой любимый пирог испекла, – невпопад ответила мама, словно Соня и так не видела этого.

– Здорово, спасибо. – Соня чмокнула маму в щеку, мыс-

ленно удивившись тому, какой вялой стала кожа на её лице. Это сколько лет она не целовала маму, что не заметила этого? – Давай поедим?

За едой легче не стало. Даже любимый пирог застревал в горле от того, как мама смотрит. Она глядела так, словно уже сидела на поминках и только что похоронила дочь.

– Бабушка обещала приехать, – пробормотала мама, наконец-то переставая её сверлить этим раздражающим больным взглядом. – Я ей рассказала, ничего?

– Всё правильно, это хорошо, что она приедет, – с наигранным энтузиазмом ответила Соня, вгрызаясь в хрустящую корочку пирога.

Бабушка была человеком сложным, хоть и по-своему неплохим. Просто любить её легче было на расстоянии. Звонить раз в месяц, получать денежный перевод на день рождения. Бабушка Александра «И никаких Шурочек!» была самым рациональным человеком в окружении Сони и её матери, а сейчас им нужен был кто-то именно такой.

Почему-то казалось, что когда она приедет, то с лёгкостью разберётся со всем, что случилось. Соня не призналась бы даже себе, но в глубине души она верила: с приездом бабушки окажется, что и пятно лишь глупая шутка, и умирать не придётся. Мало ли похожих болезней на свете, не все из них ведут к неминуемой гибели. А может, это и вовсе перманентный маркер и её испачкали на вечеринке.

Соня в красках представила, как будет объясняться с Вла-

дом и убеждать, что никому не расскажет тайну пятнистых, когда бабушка позвонила в дверь.

– Такси до вас невысказанно дорого, – с порога сухо произнесла она, подставляя щеку для поцелуя. Потом цепкими холодными пальцами прошлась по лицу внучки до скулы и вопросительно посмотрела на дочь. – Ольга, оно сразу было таким большим? Это пятно?

Мать расплакалась, конечно, а Соня бросилась в ванную, чтобы убедиться в правоте бабушки. Пятно выросло и теперь почти доставало до виска. И как она не заметила!

Пока Соня разглядывала себя в зеркале, бабушка принялась хлопотать по дому. Она отличалась от других бабушек, так что пирожков или вязаных носков от неё ждать не приходилось. Когда Соня вернулась в комнату, бабушка держала перед Сониной мамой стакан, от которого одуряюще несло корвалолом, а рядом стоял разинувший пустую пасть большой чемодан. Соня не видела его лет пять, не меньше.

– Сделай чаю, Софья, я сейчас подойду, – ласково произнесла бабушка, и этот тон напугал Соню едва ли не больше, чем разговоры с Субботой про убийства. Ведь там всё ограничилось разговорами, а здесь разговорами всё только начиналось.

– Я забираю Ольгу. – Бабушка не любила ходить вокруг да около, и из-за этого они часто ругались, но сейчас Соня была благодарна за эту честную грубость. – Она этого просто не выдержит, я свою дочь знаю. Угаснет и уйдёт следом.

Ты же этого не хочешь?

Соня не хотела. И пусть смотреть, как плачет мама, ей тоже не нравилось, она скорее из чувства противоречия ответила:

– Может, она привыкнет и перестанет плакать? Я же не прямо сейчас умру, и... ну... ребята говорят, что человек просто тает и исчезает. Никакой кровищи ведрами и кишок наружу.

Бабушка слегка приподняла бровь, давая понять, что попытка храбриться замечена и оценена.

– Дорогая моя внучка. – Она вздохнула и уставилась в стену, пока сама Соня наблюдала за причудливым танцем её пальцев. Руки у бабушки были суховатые, но не морщинистые, и все пальцы унизаны кольцами с крупными камнями. Следить за тем, как эти кольца мелькают, было бы неплохим развлечением, если бы Соня не знала, что это значит – бабушка волнуется, и всерьёз. В прошлый раз она так нервничала, когда пыталась уговорить мать бросить работу и переехать подальше от побережья. Вроде как морской воздух плохо на неё влияет.

– Дорогая моя... внучка, – повторила бабушка с лёгкой заминкой. – Когда в вашем городе началась вся эта история с чернильными детьми, я постаралась узнать об этом как можно больше. Ну, и увезти вас с матерью, конечно. Но Ольга упёрлась. Мол, у тебя тут школа, друзья, у неё работа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.